

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-99-114

Понятие контекста в контекстуализме Марка Бивира

О. А. Доманов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрено понятие контекста в историко-философском контекстуализме на примере концепции М. Бивира. Критика Бивиром понятия контекста в теориях предшественников предполагает семантический сдвиг, который является основной темой статьи. В качестве наиболее существенной черты подхода Бивира выделяется недетерминистичность объяснения в отличие от детерминизма понимания и показывается, что эта черта является следствием отказа Бивира от интерпретационной семантической парадигмы. Это позволяет ему понимать контекст как то, что не фиксирует понимание, а задает проблему, требующую творческого решения.

Ключевые слова

контекстуализм, Бивир, история философии, история идей, объяснение, понимание, семантика

Для цитирования

Доманов О. А. Понятие контекста в контекстуализме Марка Бивира // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 99–114. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-99-114

© О. А. Доманов, 2019

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 2

The Concept of Context in Mark Bevir's Contextualism

O. A. Domanov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the concept of context in historical-philosophical contextualism which is examined using the example of M. Bevir's approach. Bevir's criticism of the notion of context in predecessors' theories presupposes a semantical shift, which is the main topic of the article. As the most important characteristic of Bevir's approach the indeterminism of explanation in contrast to the determinism of understanding is singled out. We show that this characteristic stems from Bevir's rejection of the interpretational semantic paradigm. This permits him to understand context as something that does not fix understanding but rather poses a problem demanding a creative solution.

Keywords

contextualism, Bevir, history of philosophy, history of ideas, explanation, understanding, semantics

For citation

Domanov O. A. The Concept of Context in Mark Bevir's Contextualism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 99–114. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-99-114

Контекстуализм является влиятельным подходом в историко-философском исследовании и истории идей. Он противопоставляется апроприационизму, т. е. позиции в истории философии, которая считает допустимым использование концепций прошлого для решения современных задач [Вольф, 2017; Вольф, Косарев, 2016]. Апроприационизм извлекает понятия из контекста, в котором они возникли и развивались, и помещает их, возможно, в совершенно чуждый им контекст. Напротив, контекстуализм стремится понять концепции в их собственном контексте, ориентируясь на их собственные задачи и цели. Для этого нужно прежде всего реконструировать этот контекст, восстановить системы убеждений соответствующего времени, даже если они кажутся абсурдными или невероятными,

с нашей точки зрения. Контекстуализм считает, что иначе невозможно понять в полной мере смысл этих концепций. Без этого прошлое неизбежно рассматривается как лишь подготовка настоящего, что во многих случаях является искажением и натяжкой. Однако внутри самого контекстуализма отсутствует единое понимание его основных понятий и методов. Это относится прежде всего к важнейшему из них – понятию контекста. Контекстуализм во многом опирается на философскую эпистемологию и семантику, заимствуя из них и понятие контекста. Однако в них самих контекст может пониматься по-разному, и это не только приводит к различным вариантам контекстуализма, но и в некоторых случаях требует существенной смены семантической парадигмы, что самим контекстуализмом не всегда в полной мере осознается. Рассмотрим, как это происходит на примере трансформации понятия контекста в работах одного из видных контекстуалистов – Марка Бивира.

В историческом исследовании разработка контекстуализма связана с Кембриджской школой (Скиннер, Покок и др.), наследие которой прежде всего и развивает Бивир. Покок первоначально опирался на Куна, а затем – на Соссюра, тем самым сместившись от философии науки к лингвистике. Однако в любом случае в основании этих взглядов лежат семантические идеи. Сам Бивир, соглашаясь с Кембриджской школой и присоединяясь к лагерю контекстуалистов, полагает, однако, что Покок и Скиннер вкладывали в понятие контекстуализма неверное содержание. При этом существует разница в подходе между Пококом и Скиннером. У Покока в качестве контекста выступает прежде всего язык. Интенции автора, его способ использования языка оказываются подчиненными лингвистическим и идейным парадигмам, которые исследуемый автор находит в своем времени. У Скиннера же как контекст выступают споры и дискуссии, в которых находится автор высказывания. Он критикует Покока и указывает, что, обращая внимание исключительно на анонимные аспекты языка, мы можем упустить индивидуальные намерения, иронию, иносказания и т. д., т. е. упустить существенные аспекты авторского высказывания. Слова, например, могут обладать смыслом, зависящим от намерений автора как уча-

стника того или иного интеллектуального спора, а не просто носителя языка. Что, однако, объединяет Покока и Скиннера, а также Кембриджскую школу в целом, так это настаивание на необходимости изучения лингвистических контекстов для понимания истории идей. Бивир соглашается с этим, однако видит недостаток подхода Кембриджской школы в том, что она считает свой метод логикой научного открытия, тогда как он сам отрицает возможность построения какой-либо логики открытия для исторического исследования [Бивир, 2010. С. 122]. Методология последнего должна быть направлена не на открытие, а на объяснение. Бивир формулирует свою задачу как трансформацию контекстуализма из учения о предпосылках понимания в учение о формах объяснения [Там же. С. 128]. Рассмотрим подробнее, что это означает.

Под логикой открытия Бивир понимает «метод, которому мы должны следовать, чтобы достичь обоснованного знания об объекте» [Bevir, 2000. P. 398]. Логика открытия означает, что для понимания языковых выражений мы должны прояснить детали контекста, в котором они высказываются, например, подразумеваемую автором иллокутивную силу [Bevir, 2000. P. 398 sqq.] (к сожалению, в русском переводе [Бивир, 2010] illocutionary force передано как «скрытый смысл», что делает текст гораздо менее понятным). Это, в свою очередь, предполагает, что мы не только подходим к пониманию с заранее данной предварительной теорией, но способны однозначным образом перейти от этой теории к собственно пониманию. Бивир различает априорные (prior) и непосредственные (passing) теории [Там же. С. 122–123]. Под первыми он понимает лингвистический контекст, не зависящий от обстоятельств конкретного высказывания, а под вторыми – ситуативный контекст самого высказывания. Согласно Бивиру, верная априорная теория не является гарантией правильного или неправильного понимания. Она также не является необходимой [Там же. С. 124]. В конечном итоге он пишет: «Никакой метод не может гарантировать успешное изучение истории, потому что любой, кто исходит из верной априорной теории, может прийти к ложной непосредственной теории. И ни один метод не может быть предпосылкой успешного изучения истории, потому что любой, кто исходит из ошибочной априорной теории, может прийти

к адекватной непосредственной теории. *В области истории идей не может быть логики научного открытия* (курсив мой. – О. Д.)» [Бивир, 2010. С. 125].

Хотя методы, разумеется, влияют на историческое исследование, могут делать его более или менее эффективным, их результат должен быть понятен и без обращения к ним: «Точно так же, как мы судим о математических доказательствах и научных теориях, не спрашивая, как те, кто их создал, к ним пришли, мы должны оценивать и интерпретации текстов, – не вникая в методы, использованные историками» [Там же]. Метод важен с точки зрения ремесла историка, но не результата его труда. Поэтому обращение к лингвистическому контексту имеет эвристическое значение – как способ познания, но не как логика научного открытия [Там же. С. 127].

Всё это не означает, однако, что историкам идей следует отказаться от контекстуализма. Не в этом состоит точка зрения Бивира. Он считает, что контекстуализм обладает несомненными достоинствами и революционизирует историческую методологию. Однако понятие контекста, на которое он опирается, должно быть модифицировано. Для этого нужно отказаться от контекстуализма как метода понимания и перейти к контекстуализму как методу объяснения: «Контекстуализм [...] должен быть переработан в учение о формах объяснения, а не о предпосылках понимания» [Там же. С. 128]. Рассмотрим подробнее, что означает этот переход; это позволит нам лучше понять, что Бивир подразумевает под логикой научного открытия.

Бивир называет предлагаемый им метод семантическим холизмом: «Семантические холисты верят, что истинностное значение любой пропозиции зависят от других пропозиций, которые мы принимаем за истинные» [Bevir, 2000. P. 400]. Семантический холизм утверждает, что смысл языкового выражения может быть понят лишь на основе его связей с другими компонентами языка, с другими выражениями. В предельном случае этими другими компонентами считается весь язык в целом. В семантике эта идея восходит к Фреге, утверждавшему, что слово получает свой смысл только в рамках предложения, в котором оно используется. Холизм противостоит

семантическому атомизму – убеждению, что смысл выражения определяется сущностью в реальности, которую оно обозначает, – тем самым существует однозначное соответствие между языком и реальностью. Холизм, напротив, отрицает это соответствие – выражения не имеют смысла сами по себе и обретают его лишь в отношениях с другими выражениями. Понятие семантического холизма позволяет Бивиру противопоставить понимание и объяснение. Объяснением называется выяснение того, какие основания или мотивы (reasons) имеют люди для того, чтобы придерживаться той или иной идеи либо мнения – насколько это разумно или обоснованно (reasonable) с точки зрения отношения к другим идеям и мнениям. Таким образом, объясняя, мы вписываем идею в контекст других (релевантных) идей. Бивир не приводит подробностей, касающихся того, как здесь следует понимать разумность или релевантность, его рассуждение разворачивается на наиболее формальном и абстрактном уровне: объяснить идею – значит встроить ее в согласованную сеть других идей. Однако понимание также предполагает некий род подобного встраивания. Особенность подхода Бивира состоит в конкретной конфигурации последнего.

Бивир распространяет модели и схемы философской эпистемологии на область исторического исследования. Он выделяет два возможных полюса в подобном объяснении, ссылаясь при этом на Айера и Фуко [Бивир, 2010. С. 129]. Первый подход он называет подходом логического эмпиризма. Согласно ему, знание основывается на непосредственном эмпирическом опыте, который затем синтезируется с помощью логических форм. Таким образом, объяснить – значит связать с суждениями непосредственного опыта. Второй подход (который Бивир приписывает иррационалистам или идеалистам), напротив, полагает, что имеются общие априорные истины, независимые от конкретного опыта, и тогда объяснить – значит соотносить с этими всеобщими положениями. Семантический холизм считает оба этих понимания некорректными. Не существует ни независимого от теории эмпирического опыта, ни предшествующих опыту априорных структур. Более того, картина объяснения как иерархического сведения к некоторому основанию – эмпирическому или априорному – также отвергается. С точки зрения семантического холиста, существуют сети представ-

лений, которые не имеют центра или краев, с которых можно было бы начинать какое бы то ни было иерархическое или последовательное развертывание. Бивир сравнивает это со сферической мозаикой, в которой «Игрок не имеет углов или краев, с которых можно было бы начать сборку, продвигаясь к центру картинки» [Бивир, 2010. С. 131]. Однако из его текста не всегда ясно, какие конкретно характеристики выделяют семантический холизм как метод исторического исследования. Как мы увидим ниже, холистические характеристики не только недостаточны для подхода Бивира, но и не являются наиболее существенными. Что же является существенным?

Когда Бивир поясняет, чем отличается объяснение как встраивание в понятийную сеть от понимания Покока как соотнесения с лингвистическим контекстом, то в качестве ключевого отличия он указывает то, что объяснение соотносит с сетью *индивидуальных* мнений, тогда как понимание имеет в виду *социальные* структуры [Bevir, 2000. P. 404]. В другом месте Бивир отличает варианты контекстуализма Соссюра или Куна от герменевтических [Bevir, 1999. P. 37–38]. Если в семантике речь идет об условиях истинности абстрактных пропозиций, то в герменевтике – о смысле конкретных авторских высказываний: что имел в виду автор, говоря то или это в таких-то конкретных условиях. Бивир обращается здесь к прагматическим аспектам высказывания. Различие семантики и герменевтики здесь состоит не столько в отношении к контексту, сколько в характере самого контекста: в случае герменевтики мы имеем зависимость от события говорения и его обстоятельств. Речь идет о различии всеобщего и индивидуального: «Герменевтические смыслы, который заботят историков, следует отличать как от семантических смыслов, понятых в терминах истинностных условий, так и от лингвистических смыслов, понятых в терминах конвенционального употребления» [Ibid. P. 27]. Однако само это различие, как мы видели, проводит и Кембриджская школа – на него, в частности, указывает Скиннер. Таким образом, мы можем предположить, что это отличие не является определяющим. И действительно, подход Бивира имеет другие, более существенные особенности.

Еще одно важное отличие объяснения от понимания состоит, согласно Бивиру, в отсутствии детерминизма в зависимости идей и мнений от их оснований в первом случае. Если понимание предполагает, что контекст детерминирует убеждение, то в объяснении контекст задает лишь исходную точку, проблему, на которую люди дают индивидуальный, часто творческий и непредсказуемый ответ. Соответственно, и от историка объяснение требует творчества, угадывания, интуиции. Это отличие гораздо более существенно, чем отличие индивидуальности от социальности. В итоге именно к этому сводится смысл отказа Бивира от рассмотрения своего метода как логики открытия. Для него схема объяснения становится логикой открытия при двух условиях: «Объяснительные схемы порождают логики научного открытия только тогда, когда оказываются выполненными следующие два условия. Во-первых, ученые обладают предшествующим знанием механизма, посредством которого более раннее положение вещей вызывает к жизни более позднее. Во-вторых, природа этого механизма такова, что ученые могут предсказывать более позднее положение вещей, если известно, что они обладают знанием о более раннем положении вещей.» [Бивир, 2010. С. 149–150] В случае объяснения механизм известен, т. е. первое условие выполняется, однако он не позволяет делать предсказания, т. е. не выполняется второе условие. Чтобы показать это, Бивир конкретизирует концепцию объяснения с помощью понятия дилеммы. Оно возникает в ходе обсуждения отношений взглядов индивидов и традиции. Можем ли мы понимать эти отношения как зависимость от контекста? Именно ответ на этот вопрос демонстрирует наиболее ярко особенности подхода Бивира.

Обсуждаемый им вопрос состоит в том, определяются ли убеждения индивидов целиком и полностью традицией, которую они находят и в которую погружены, или, напротив, традиция состоит из убеждений индивидов и зависит от них. Логический эмпиризм и идеализм отвечают на этот вопрос противоположным образом. Однако Бивир отвергает и тот, и другой ответ. Его подход позволяет ему не признавать первичность ни традиции, ни индивидов. Действительно, обсуждая проблему зарождения традиции, он указывает на пример соритов [Там же. С. 132–133]: как

невозможно прибавлением одного волоска ухватить переход от лысого к нелысому, так невозможно выделить момент зарождения традиции, хотя в том и другом случае можно различить крайние состояния. Имеющий убеждения (или обладающий традицией) индивид появляется из состояния без убеждений (или без традиции) так, что невозможно определить момент этого появления: «Вместо этого мы должны вести речь об индивидах, с неизбежностью приходящих к своим сетям убеждений на основе унаследованных традиций, и об унаследованных традициях, с неизбежностью вырастающих из представлений индивидов. Грамматика наших концепций показывает, что индивиды с их представлениями и унаследованные традиции появились одновременно, а не последовательно» [Бивир, 2010. С. 135]. Как оказывается, проблема происхождения перестает быть релевантной, мы начинаем с состояния, в котором то и другое (убеждения индивидов и традиция) уже имеют место. Это невозможно ни в логическом эмпиризме, ни в идеализме, но, тем не менее, не обязательно выходить за рамки определенной семантической парадигмы, которую я назову интерпретационной. Эта парадигма является одной из стандартных в современной семантике и обретает законченную форму в семантике Тарского и подобных ей. Согласно этому подходу, смысл языковых выражений (а также их истинностные значения) определяется процедурой интерпретации. При этом контекст может здесь выступать в двух видах. Интерпретационная парадигма основывается на отношениях между инвариантами и вариациями, и интерпретация представляет собой отнесение того или иного опыта либо представления к всеобщему понятию, конкретизацией которого они считаются. Эта процедура предполагает, во-первых, систему понятий, в которых выражается интерпретируемый опыт, и, во-вторых, конкретную ситуацию, в которой происходит это отнесение. В результате контекстом может быть названа либо априорная система исходных понятий, либо ситуация, оказывающая влияние на интерпретацию. Первое мы находим у Покока, второе – у Скиннера. Однако семантический холизм, как его определяет Бивир, а именно, на основе понятия истинностных значений, также не обязательно выходит за пределы этой парадигмы, как показывает

пример Куна. Холизм лишь утверждает взаимозависимость общего и индивидуального, но не нарушает саму основанную на них схему.

Тем не менее, хотя в этой части Бивир остается в рамках традиции, у него мы можем найти аспекты, выходящие за пределы интерпретационной парадигмы. Действительно, рассмотрим, как разрешается им проблема описания того, каким образом люди развивают и пересматривают традиции. Здесь Бивир снова рассматривает два крайних подхода. Логический эмпиризм объясняет трансформацию столкновением с новыми наблюдениями, тогда как идеализм считает, что традиция трансформируется под влиянием обнаруженного в ней противоречия. Как семантический холист, отвергающий и независимое наблюдение, и самодостаточное убеждение, Бивир рисует иную картину. Новые сети представлений формируются как ответы на дилеммы, с которыми столкнулись старые сети. При этом существенно, каким образом Бивир определяет дилемму: «Под дилеммой следует здесь понимать всякое новое понимание – основанное либо на интерпретированном опыте, либо на размышлениях о существующих убеждениях, – которое не вписывается в существующие убеждения и поэтому требует их пересмотра» [Bevir, 2000. P. 405]. Ответ на дилемму может состоять как в ее отвержении, так и в модификации сети убеждений. В последнем случае модификации зависят и от характера дилеммы, и от наличных сетей убеждений. Для Бивера существенно, однако, что историк, объясняющий подобную трансформацию, не может опираться на какой-либо метод, поскольку ответ на дилемму недетерминирован и заранее не может быть предсказан. Мы видим здесь ключевое отличие объяснения от понимания – отсутствие детерминизма. В чем состоит отличие этого подхода от традиционного контекстуализма? Согласно Бивиру – в том, что он не привязан к определенному методу [Бивир, 2010. С. 147]. Объяснение может быть найдено любым путем, важно лишь, чтобы оно было представлено в определенной форме, а именно: «Они [историки] должны объяснить его новую сеть представлений путем показа того, как она представляет собой ответ на дилемму, с которой столкнулись его прежние убеждения» [Там же. С. 148]. Эта форма представляет собой незаполненную схему, и это препятствует, согласно Бивиру, тому, чтобы она задавала логику на-

учного открытия. Существенно в этом случае то, что данная связь не является ни причинной, ни логической – новая сеть представлений не может быть *выведена* из старой. Хотя движение от старого к новому может быть реконструировано (задним числом, что существенно) как рациональное, это не означает, что мы можем вывести одно из другого, и именно это означает, что мы не имеем здесь логики научного открытия.

Однако наиболее важное отличие, подчеркиваемое Бивиром, относится к семантике. Семантический холизм не требует обращения к смыслу того, что объясняется: «Сети представлений и традиции помогают историкам объяснять убеждения. Они не есть часть смысла изучаемых произведений» [Бивир, 2010. С. 139]. Другими словами, объяснение не требует понимания (смысла). Рассмотрим пример Бивира [Там же. С. 138–139]: мы можем объяснить, почему Дживонс верил, что стоимость определяет цены без понимания того, что в точности означали для него стоимость и цены. Объяснение убеждений не требует их понимания. Релевантным контекстом является сеть представлений индивида, т. е. представлений самого Дживонса о стоимости, а не набор различных теорий его эпохи или предшествующих эпох, «не социальная парадигма или язык (*langue*)» [Там же. С. 141]. Противопоставление индивидуального и всеобщего не совпадает, таким образом, с тем, что мы видели на примере противопоставления подходов Покока и Скиннера. Это – противопоставление индивидуального непредсказуемого ответа детерминированному выводу. Бивир настаивает на учете не только традиции, в которой вырос тот или иной исторический персонаж, или специфической ситуации, в которой он находился, но и на индивидуальном ответе этого персонажа на возможно новые обстоятельства, приводящие к модификации традиции: «Традиции предоставляют только отправную точку для объяснения того, почему люди придерживались именно тех убеждений, которых они придерживались» [Там же. С. 142]. Мы видим, что отсутствие детерминизма является следствием отказа от интерпретационной семантической парадигмы.

Как я уже говорил, Бивир стремится трансформировать контекстуализм из учения о предпосылках понимания в учение о формах объяснения [Там

же. С. 128]. В том и другом случае речь идет о некотором типе рациональности. Несмотря на непредсказуемость ответа на дилемму и роль в ней интуиции, объяснение является рациональным. Как мы видели, Бивир выделяет два условия превращения схемы в логику научного открытия: 1) наличие механизма перехода от старого состояния к новому и 2) детерминистический характер этого механизма. Первое условие гарантирует рациональный характер процедуры, второе же условие не выполняется – ответ на дилемму является творческим актом и не может быть предсказан. Поэтому изучение контекста в том смысле, в котором его понимает традиционный контекстуализм, т. е. изучение ситуации, в которой находился исторический персонаж, как основания для его убеждений, оказывается если не бесполезным, то явно не достаточным. Задним числом ответ на дилемму вписывается в определенную логику, а именно, в логику ее разрешения, но эту связь невозможно установить, исходя из первоначальной ситуации. Бивир здесь фактически повторяет аргументацию интуиционизма в математике. Основатель интуиционизма Брауэр понимал математику как деятельность по творческому решению проблем, которая не может быть формализована как таковая, хотя и возможно формализовать ее результат. Теорема позволяет нам оценивать пригодность того или иного доказательства, но никаким образом не определяет спектр таких доказательств. Доказательство должно быть сконструировано, и это творческий процесс, не детерминированный ни формулировкой теоремы, ни наличной теорией.

Мы видим, что ключевой характеристикой подхода Бивира оказывается отсутствие детерминации. Переосмысление понятия контекста указывает здесь на смену семантической модели. В интерпретационной парадигме контекст задает параметры интерпретации. Существенно, однако, что задание контекста фиксирует смысл (который я здесь не отличаю от значения). Последнее остается верным как для логического эмпиризма, так и для идеализма. Именно это позволяет Бивиру говорить в данном случае о логике научного открытия. Напротив, в модели семантического холизма контекст понимается как сеть представлений, в которую должно быть вписано объясняемое представление. Вспомним, что дилеммой у Бивира называет-

ся то, что *не вписывается* в существующую сеть, поэтому проблема, которая требует решения, состоит в том, чтобы найти способ его вписывания – способ, который зависит не только от контекста, но и от человеческой изобретательности. Разумеется, в случае интерпретационной парадигмы мы также можем говорить о некотором рода вписывании в контекст – опыт или представления включаются в некоторую систему априорных понятий. Однако если существует отличие подхода Бивира, то оно состоит в описанном отсутствии детерминизма.

В итоге мы можем выделить три различных понимания контекста. Во-первых, контекст можно понимать в согласии со схемой интерпретационной семантики. Этому случаю соответствуют два подхода, которые Бивир обозначает как логический эмпиризм и идеализм. Они различаются тем, чему в паре – всеобщему инварианту или индивидуальным вариациям – отдается предпочтение. В обоих случаях, однако, контекст определяет условия возможности и тем самым – возможные вариации представлений. Мы встречаемся с этим у Покока в лингвистическом и у Скиннера в индивидуальном контексте. Инварианты составляют набор возможных смыслов, и интерпретация или понимание является конкретизацией, т. е. отношением индивидуальной ситуации к возможным смыслам. Во-вторых, контекст можно понимать как ситуацию высказывания, задающую конкретную интерпретацию. Например, значение таких слов, как «здесь», «я», «сейчас», зависит от ситуации, в которой они произносятся, того, кто их произносит, и т. д. В этом случае мы остаемся в рамках интерпретационного понимания контекста, т. е. понимаем его как то, что детерминирует смысл представлений. Как и в первом случае, это позволяет Бивиру говорить о логике научного открытия.

Эти два понимания контекста часто смешиваются между собой, в том числе и в изложении Бивира. Историко-философское исследование имеет дело прежде всего с текстами (в том числе в широком смысле – графическими, архитектурными и пр.). Понимание текста включает в себя две процедуры: 1) понимание того, как вообще может выглядеть интерпретация данного текста; 2) собственно интерпретация с учетом релевантного кон-

текста, в котором текст написан или создан. В первом случае понять означает не установить соответствие языковых выражений реальности, но знать, каким образом это соответствие может быть установлено; другими словами, уметь установить, является ли данная индивидуальная ситуация действительно соответствующей данному тексту. Во втором же случае понять означает действительно установить это соответствие, что может зависеть от конкретных параметров создания текста, того, кто его произносит, на какую аудиторию рассчитывает и т. д. Когда мы говорим о лингвистическом контексте, то имеем в виду прежде всего первое, когда же призываем учитывать индивидуальную ситуацию – второе.

Наконец, третье понимание контекста появляется у Бивира при описании семантического холизма. Здесь контекст задает начальные условия, дилемму, которую требуется разрешить, однако не определяет спектр возможностей этого разрешения. Именно это понятие контекста имеет в виду Бивир. В определенном смысле, его можно рассматривать как обобщение предыдущих. Мы исходим здесь из сети представлений, характер связи которых не конкретизируется. Объяснить означает здесь встроить в сеть уже имеющихся представлений, при этом, возможно, модифицируя ее. Объяснить – значит согласовать и взаимоувязать. С точки зрения семантической теории мы наблюдаем аналогичный сдвиг при переходе от семантики Тарского, основанной на интерпретации, к теоретико-доказательственной семантике, в которой смысл выражения определяется его местом в сети логического вывода [Dummett, 1975]. При этом последняя семантика сама восходит к интуиционистской и конструктивистской идее истины, основанной на доказательстве и конструкции, а не интерпретации. Этот семантический сдвиг, однако, часто не просто рассмотреть за терминологией Бивира. Например, он говорит: «...когда критики приравнивают нашу концепцию сети убеждений к парадигмам и языкам контекстуалистов, они игнорируют аргументацию, стоящую за различием нами *понимания высказываний и объяснения убеждений*. Тогда как наша форма объяснения увязывает убеждение с сетью представлений индивида, контекстуалисты увязывают высказывание с социальной структурой» [Бивир, 2010. С. 139].

Здесь создается впечатление, что Бивир противопоставляет индивидуальные и социальные сети представлений, тогда как, как мы видели, для него речь идет вообще не о системе представлений, а об индивидуальном ответе, не имеет значения, в рамках какой сети. Эта неясность накладывает отпечаток на рассуждения Бивира, затушевывая тот семантический сдвиг, который в них происходит. Несмотря на это, однако, понятие контекста, предлагаемое им, несомненно, служит полезным инструментом и существенно обогащает контекстуалистское направление историко-философских исследований.

Список литературы / References

Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении: Пер. с англ. // История понятий, история дискурса, история менталитета: Сб. ст.: Пер. с нем. / Под ред. Ханса Эриха Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 112–152.

Bevir M. Rol' kontekstov v ponimanii i ob'yasnenii [The role of contexts in understanding and explanation]. In: Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta [History of concepts, history of discourse, history of mentality]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, p. 112–152. (in Russ.)

Вольф М. Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия, наука: проблемы соотношения. Алешинские чтения 2016. М.: РГГУ, 2017. С. 393–400.

Volf M. N. Metodologicheskie spory vokrug istorii filosofii [Methodological debates on the history of philosophy: contextualism and appropriationism]. In: Filosofiya, nauka: problem sootneseniya. Alyoshinskie chteniya 2016 [Philosophy, Science: Problems of relationships]. Moscow, RSHU Publ., 2017, p. 393–400. (in Russ.)

Вольф М. Н., Косарев А. В. Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 225–233.

Volf M. N., Kosarev A. V. Neosofisticheskaya ritorika v svete istoriko-filosofskoi metodologii [Neosophistic rhetorics in the light of historico-

philosophical methodology]. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Political Science*, 2016, no. 4 (36), p. 225–233. (in Russ.)

Bevir M. *The Logic of the History of Ideas*. Cambridge, NY, Cambridge Uni. Press, 1999.

Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation. *Human Studies*, 2000, vol. 23, no. 4, p. 395–411.

Dummett M. A. E. What is a Theory of Meaning? In: *Mind and Language*. Ed. by S. Guttenplan. Oxford Uni. Press, 1975, p. 97–138. (Reprinted in Dummett, *The Seas of Language*, OUP, 1993, p. 1–93.)

Материал поступил в редколлегию

Received

05. 04.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Доманов Олег Анатольевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Oleg A. Domanov, Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

domanov@philosophy.nsc.ru